

Para ti, Papá¹

---

¹Тебе, папа

Cuéntame algo, aunque sea una mentira.

Расскажи мне историю, даже если она ложь.

**ПРЕДУВЕДОМЛЕНИЕ, ИЛИ ПРАВДА НЕ НУЖНА МНЕ,
МОЖЕШЬ ЗАБРАТЬ ЕЕ, ОНА СЛИШКОМ
НОСИСОНА¹ ДЛЯ МЕНЯ**

*Т*о правде говоря, эти истории — всего лишь истории, обрывки нитей, найденные случайно то тут, то там и сплетенные вместе, чтобы получилось что-то новое. Я выдумала то, чего не знаю, и преувеличила то, что знаю, продолжая семейную традицию незлонамеренной лжи. Если, выдумывая, я, сама того не ожидая, наткнулась на правду, *perdónenme*².

Писать книгу — значит задавать вопросы. Не важно, отвечают ли тебе правду или *puro cuento*³. В конце концов запоминается только история, а правда выцветает, как бледно-синие нитки вышивки на дешевой подушке: *Eres Mi Vida, Sueño Contigo Mi Amor, Suspiro Por Ti, Sólo Tú*⁴.

---

¹Здесь: неприглядная

²Простите меня

³Чистой воды рассказы

⁴Ты моя жизнь. Ты мне снишься, любовь моя. Вздыхаю по тебе. Только ты

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ

*Recuerdo
de Acapulco¹*

---

¹Воспоминание об Акапулько

Acuérdate de Acapulco,
de aquellas noches,
María bonita, María del alma;
acuérdate quen en la playa,
con tus manitas las estrellitas
las enjuagabas¹.

— «*María bonita*» Августина Лары, которую он пел,
подыгрывая себе на пианино, в сопровождении тихого,
очень-очень тихого голоса скрипки.

•

Та фотографии, висящей над Папиной кроватью, мы все маленькие. Мы были маленькими в Акапулько. И всегда останемся маленькими. Для него мы и сейчас точно такие, какими были тогда.

Сразу за нами плещутся воды Акапулько, а мы сидим на границе воды и земли. Маленькие Лоло и Мемо показывают рожки над головами друг друга; Ужасная Бабуля обнимает их, хотя в жизни ничего подобного не делала. Мать отстраняется от нее ровно настолько, чтобы не показаться невежливой; рядом с ней примостился ссутулившийся Тото. Большие мальчики, Рафа, Ито и Тикис, стоят возле Папы, его худые руки лежат у них на плечах. Бледнолицая Тетушка прижимает к животу Антониету Арасели. Фотоаппарат щелкает, и она моргает, словно не желает знать будущее: о продаже дома на улице Судьбы, переезде в Монтеррей.

Папа щурится точно так, как щурюсь я, когда меня фотографируют. Он еще не *acabado*. Еще не *конченный*, не истощен работой, беспокойством, многими пачками выкуренных сига-

---

¹Вспомни Акапулько, вспомни, те ночи, прекрасная Мария, Мария моей души; вспомни, как на пляже своими ручками звездочки в воде полоскала

КАРАМЕЛО

рет. Только ничего не выражающее лицо и аккуратные тонкие усики, как у Педро Инфанте, как у Кларка Гейбла. Кожа у Папы мягкая и бледная, словно живот акулы.

У Ужасной Бабули такая же светлая кожа, что и у Папы, но со слоновьими складками. Она упакована в купальник, цвет которого хорошо сочетается со старым зонтиком с янтарной ручкой.

Меня среди них нет. Они забыли обо мне, когда фотограф, шедший по пляжу, предложил сделать общий портрет, *un recuerdo* — буквально «воспоминание». И никто не заметил, что я строю — сама по себе — песочные замки неподалеку. Они не видят, что меня нет на фотографии, до тех пор, пока фотограф не приносит снимок в дом Катиты, и я, взглянув на него, не спрашиваю: а когда это было снято? И где?

И тут все понимают, что портрет неполон. Словно меня не существует. Словно я тот самый фотограф, бредущий по пляжу со штативом на плече и вопрошающий: ¿*Un recuerdo?* Сувенир? Память?

1.
*Verde,
Blanco y Colorado¹*

Новый подержанный белый «кадиллак» Дядюшки Толстоморда, зеленая «импала» Дядюшки Малыша и Папин красный универсал «шевроле», купленный тем летом в кредит, — все они мчатся к дому Маленького Дедули и Ужасной Бабули в Мехико. Через Чикаго, по Трассе №66, по Огден-авеню, мимо гигантской черепахи, рекламирующей средство для полировки автомобилей — и дальше всю дорогу до Сент-Луиса, Миссури, который Папа называет по-испански: Сан-Луис. От Сан-Луиса до Талсы, Оклахома. От Талсы, Оклахома, до Далласа. От Далласа через Сан-Антонио до Ларедо по шоссе №81, пока мы не оказываемся по другую сторону границы. Монтеррей. Сатилло. Матеуала. Сан-Луис-Потоси. Керетаро. Мехико.

Каждый раз, как белый «кадиллак» Дядюшки Толстоморда обгоняет наш красный универсал, кузены — Элвис, Аристотель и Байрон — показывают нам языки и машут руками.

— Быстрей, — просим мы Папу. — Давай быстрей!

Мы проносимся мимо зеленой «импалы», и Амор и Пас повисают на плече Дядюшки Малыша:

---

¹Зеленый, белый и красный